

ЕВРОПА 2014 ВОЗМОЖНО ЛИ НОВОЕ НАЧАЛО?

Запись выступления Хулиана Каррона
на представлении документа движения «Общение и освобождение»,
Милан, 9 апреля 2014 года

1. ЧТО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ?

Европа родилась от нескольких великих слов, таких как *личность*, *работа*, *материя*, *прогресс* и *свобода*.

Благодаря христианству, эти слова достигли своей полной и исконной глубины, обрели ценность, которой прежде не обладали, что и определило серьезный процесс «гуманизации» Европы и ее культуры. Достаточно вспомнить, например, понятие личности. «Две тысячи лет назад единственным человеком, имевшим все человеческие права, был *civis romanus*, римский гражданин. Но кто устанавливал римское гражданство? Его устанавливала власть. Один из величайших юристов Рима, Гай, различал три вида вещей, которыми *civis [romanus]*, человек со всеми правами, мог обладать: вещи не движущиеся и не говорящие; вещи движущиеся, но не говорящие, то есть животные; вещи движущиеся и говорящие, то есть рабы» (ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 105; Гай. *Институции*. II, 12–17).

Однако все эти великие слова либо уже утратили смысл, либо продолжают терять исконное содержание. Почему так происходит?

В ходе долгого и сложного процесса некоторые слова, порожденные когда-то не без участия христианства, такие как свобода и прогресс, с его же помощью и выхолащиваются. В определенный момент европейской истории была предпринята попытка отделить основополагающие достижения духа от человеческого опыта, который, собственно, и позволил им в полноте раскрыться. Как много лет назад сказал тогда еще кардинал Ратцингер в речи, произнесенной в Субиако и подытожившей долгий исторический процесс: «В эпоху Просвещения <...> на фоне противостояния конфессий и угрожающего кризиса образа Бога, была предпринята попытка оградить основополагающие нравственные ценности от противоречий и сделать их настолько очевидными, чтобы они были свободны от многочисленных разделений и шатких позиций различных философских течений и религиозных конфессий. Таким образом было выражено стремление упрочить основы совместного существования и – в более широком смысле – основы человечества. В то время это казалось реальным, поскольку великие убеждения, принесенные христианством, в большинстве случаев могли сдерживать натиск и казались незыблемыми» (J. Ratzinger. *L'Europa di Benedetto e la crisi delle culture*. Roma-Siena: LEV-Cantagalli, 2005. P. 61). Именно так сформировалось стремление эпохи Просвещения утверждать «великие принципы», чья очевидность казалась столь самодостаточной, что их можно было оторвать от опыта христианства.

К чему привело это «притязание»? Устояли ли в ходе исторической проверки великие убеждения, на протяжении многих веков служившие основанием нашего

совместного существования? Выдержала ли их очевидность превратности истории с ее непредвиденными и провокационными ситуациями? Ответ ясен для всех.

Кардинал Ратцингер продолжает: «Поиск уверенности столь убедительной, что она оставалась бы незыблемой, невзирая на все различия, не принес результатов. И даже по-настоящему грандиозное усилие Канта было не в состоянии создать такую уверенность, которую бы разделяли все. <...> Доведенная до крайности попытка сформировать человеческие реалии, сведя на нет Бога, неизменно подводит нас все ближе к краю бездны, к полному списанию человека со счетов» (*Ibidem*. P. 61–62).

В чем проявляется это списание со счетов? Достаточно осознать, как означенный процесс сказался на двух самых ценных для нас, современных европейцев, факторах: разуме и свободе.

«Культура Просвещения, – также говорил кардинал Ратцингер, – определяется главным образом правами свободы; она исходит из свободы как из основополагающей ценности, являющейся мерой всего: свободы вероисповедания, которая подразумевает религиозный нейтралитет государства; свободы выражения своего мнения, при условии, что мнение не выражает недоверия самому этому канону; демократического государственного управления и, следовательно, парламентского контроля над государственными органами <...>; охраны прав человека и запрета дискриминации. Здесь норма еще находится в стадии формирования, поскольку существуют права человека, противоречащие друг другу, как, например, желание свободы женщины и право на жизнь еще не рожденного ребенка. Понятие дискриминации все больше расширяется, и, соответственно, запрет дискриминации может все больше превращаться в ограничение свободы выражения и религиозной свободы <...>. Уверенность Церкви [например] в том, что у нее нет права рукоположения во священники женщин, с этого момента рассматривается некоторыми как нечто не совместимое с духом Европейской конституции». Следовательно, продолжает Ратцингер, указывая на крайние точки этой кривой, «неясная идеология свободы приводит к догматизму, который выказывает все большую враждебность по отношению к свободе. <...> Радикальное отдаление философии Просвещения от своих корней выливается в конечном счете в устранение человека». Итак, «эта философия выражает не разум человека в полноте, а лишь его часть, и подобное увечье разума никак не позволяет считать данную философию рациональной». Поэтому «истинное противопоставление, характеризующее современный мир, происходит не на уровне различных религиозных культур, а в радикальном отмежевании человека от Бога, от корней жизни с одной стороны, и от великих религиозных культур с другой» (*Ibidem*. P. 42–43, 51–53).

Отсюда не следует, что необходимо встать на позицию предвзятого «антипросвещения»: «Просвещение, – пишет Ратцингер, – имеет христианские истоки и не случайно родилось именно и исключительно в атмосфере христианской веры» (*Ibidem*. P. 58). В памятной речи 2005 года Бенедикт XVI напомнил, что говорит современной эпохе «основополагающее “да”, здраво оценивая при этом ее «внутреннюю напряженность и противоречия». Таким образом он привлек внимание к преодолению «конфронтации», которая «очевидно не оставила никакого пространства для положительного и плодотворного диалога» между верой и современной эпохой, какое имелось в Церкви XIX века (*Речь в Римской курии*. 22 декабря 2005 г.).

Теперь мы можем лучше понять, какова проблема Европы, в чем источник ее кризиса и что действительно поставлено на карту. Вновь предоставим слово Бенедикту XVI: «Проблема обретения Европой собственной идентичности, на мой взгляд, заключается в том, что в настоящий момент мы наблюдаем у нее наличие двух душ. Первая – отвлеченный разум, оторванный от исторического процесса, ощущающий превосходство над любыми культурами, а потому претендующий на тотальное господство. Он обращен к самому себе и желает освободиться от всех традиций и культурных ценностей в пользу абстрактной рациональности. Первое решение, вынесенное в Страсбурге по вопросу о распятиях, стало примером подобного отвлеченного разума, желающего независимости от каких-либо традиций, от самой истории. Но жить таким образом нельзя. Более того, даже “чистый разум” обуславливается определенной исторической ситуацией и лишь в таком ключе способен существовать. Другая душа Европы, которую мы можем назвать христианской, открыта всему разумному, она сама породила смелость и свободу критического разума, оставаясь при этом укорененной в той почве, на которой изначально произросла Европа, на которой она была возведена согласно великим ценностям, великим предчувствиям, взгляду христианской веры.» (Бенедикт XVI. *Интервью в фильме «Колокола Европы»*. 15 октября 2012 г.).

Итак, сегодня риску подвержен именно человек, его разум, его свобода, в том числе и свобода иметь критический разум.

«Самая большая опасность, – говорил много лет назад отец Джуссани, – даже не в уничтожении народов, убийствах, насилии, а в попытке власти разрушить *человеческое*. А сущность человечности – свобода, то есть отношение с бесконечным». Поэтому битва, которую должен вести человек, ощущающий себя человеком, – «это битва между исконной религиозностью и властью» (*La religione autentica e il potere. Tracce. Febbraio. 2005. P. 27*).

Такова природа кризиса, который не является в первую очередь экономическим. Он затрагивает основы. «То, что в связи с фундаментальными антропологическими вопросами справедливо и может стать действующим правом, сегодня вовсе не очевидно само по себе. На вопрос о том, как распознать, что действительно справедливо и может, таким образом, послужить справедливости в законодательстве, было всегда трудно найти ответ, и сегодня, при обилии наших знаний и способностей, этот вопрос стал еще сложнее» (Бенедикт XVI. *Речь в Бундестаге*. 22 сентября 2011 г.). Не осознавая, что на карту поставлена *очевидность* этих основ, в отсутствии которых невозможно стабильное совместное существование, мы отвлекаемся на споры о последствиях и забываем: их источник, как мы видели, находится в ином месте. Вновь обрести основания – вот самая насущная наша потребность.

Ответить на нее – не значит вернуться к конфессиональному государству или к Европе, основанной на христианских законах, к этакому переизданию Священной Римской империи, словно нет иного способа защитить личность, ее свободу и разум. Это противоречило бы самой природе христианства. «Будучи религией преследуемых, вселенской религией, [христианство] <...> отвергло право государства рассматривать религию как часть государственного строя и тем самым постулировало свободу веры. <...> Там, где христианство против своей природы стало, к сожалению, традицией и религией государства <...>, именно Просвещение вновь предложило исконные ценности христианства [все люди, без различие-

ния, созданы по образу Божию, все обладают равным достоинством] и вернуло разуму его собственный голос» (*L'Europa di Benedetto...* Р. 57–58). Поэтому необходимо не возвращаться к уже пройденному этапу, а начинать новый путь, на котором возможен истинный диалог об основах.

И с чего же начать в новых условиях?

2. СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА НЕ СДАЕТСЯ

Несмотря на многочисленные попытки списать человека со счетов, умалить нужду его разума (сократив масштаб его вопросов) и неотложную потребность в свободе (неизбежно выражающуюся в каждом движении как желание свершения), сердце человека продолжает биться, оно непреклонно. Мы легко обнаружим это в самых разнообразных попытках, порой сумбурных, но от этого не менее драматичных и, в каком-то смысле, искренних, предпринимаемых современными европейцами, чтобы достичь полноты, которой они не могут не желать и которая иногда скрывается за самыми противоречивыми обличьями.

Природу проблемы, ограниченность в понимании разума и свободы, с которой мы постоянно сталкиваемся, поможет понять один пример. «Сегодня вечером, – пишет мне один друг, – я пошел в гости к двум моим приятелям по лицу, они помолвлены и живут вместе. После ужина мы долго беседовали и затронули тему детей: иметь их или не иметь. Мой друг сказал: “Я никогда не заведу ребенка. Откуда у людей мужество обрекать этих несчастных на страдания? Я такую ответственность на себя не возьму”. А затем добавил: “Я боюсь своей свободы, в лучшем случае она ничему не служит, а в худшем может причинить другому боль. В жизни я хотел бы как можно меньше ранить других”. Мы много говорили, и они рассказали, что переполнены страхами и больше ничего от жизни не ждут, а ведь им едва исполнилось по двадцать шесть лет».

За отказом иметь детей скрывается не что иное, как страх свободы или, возможно, страх потерять свободу, воспринимаемую в усеченном виде, то есть страх отказаться от себя и от личного пространства. Но насколько эта совокупность страхов, парализующая человека, определяет его жизнь? Говорить о «великих убеждениях» – значит говорить об основах, то есть о точке опоры, благодаря которой становится возможным опыт свободы, освобождения от страхов, а разум смотрит на реальность так, что она не удрушает.

Приведенный пример показывает: «растерянность относительно “основ жизни”» не устраняет вопросы. Более того, она делает их острее, как сказал кардинал Анджело Скола: «Что же такое разница полов, что такое любовь, что значит производить на свет детей и воспитывать их, зачем работать, почему плюралистическое гражданское общество может быть богаче, чем общество монолитное, как встречаться друг с другом, чтобы созидать действенное общение во всех христианских общинах и благу жизнь в гражданском обществе; как обновлять финансовые и экономические системы, как смотреть на хрупкость от болезни до смерти, на нравственную хрупкость, как искать справедливость, как разделять нужду бедных, непрестанно познавая ее? Все необходимо вновь описать, вновь обдумать и вновь пережить в наши времена». (*Слова, произнесенные после проповеди по случаю IX годовщины смерти отца Джуссани и XXXII годовщины признания Святым Престолом Братства «Общениа и освобождения»*. 11 февраля 2014 г.).

Все необходимо вновь описать, вновь обдумать и поэтому вновь пережить.

Такова природа вызова, который бросает нам охвативший нас кризис.

«Кризис, – утверждала Ханна Арендт, – вынуждает нас вернуться к вопросам; требует от нас ответов, новых или старых, лишь бы они происходили из непосредственного анализа; он превращается в катастрофу, только если мы стараемся противостоять ему при помощи предвзятых суждений [любого вида] либо предрассудков, усугубляя его и, более того, отказываясь жить опытом реальности и использовать возможность поразмыслить, предоставляемые самим кризисом» (Н. Arendt. *Tra passato e futuro*. Milano: Garzanti, 1991. P. 229).

Таким образом, все проблемные узлы совместного существования в Европе представляют собой не повод для жалоб или замкнутости, а скорее грандиозную возможность открыть – впервые или заново – великие убеждения, которые способны упрочить это совместное существование. Нас не должен удивлять тот факт, что великие убеждения могут исчезнуть. Причины нам напоминает все тот же Бенедикт XVI: «Прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере. <...> В области же этического знания и принятия нравственных решений подобной возможности суммирования нет – по той простой причине, что человеческая свобода является всегда новой и человек должен принимать свои решения каждый раз заново. Другие просто не могут принимать их за нас – в противном случае мы теряем свою свободу. Свобода же предполагает, что в принятии основополагающих решений каждый человек и каждое поколение являются новым началом». Решающая причина, в силу которой всегда необходимо новое начало, заключается в том, что природа очевидности этих убеждений отличается от природы «материальных изобретений. Нравственное сокровище человечества существует иначе, чем орудия, которые можно использовать: оно есть призыв к свободе и возможность для нее». (*Spe salvi*, 24. М.: Издательство францисканцев, 2008. С. 30).

Чего касаются упомянутые основополагающие решения?

3. РЕЧЬ ВСЕГДА О ЧЕЛОВЕКЕ И О ЕГО СВЕРШЕНИИ

В любой человеческой попытке слышится крик о свершении. Внимать ему – вот первый выбор свободы, и он вовсе не само собой разумеющийся. Рильке напоминает об искушении, постоянно подстерегающем и нас, заглушить этот крик: «Нас все замалчивает, как будто в согласии тайном, / Отчасти стыдясь, отчасти надеясь на что-то» (*Дуинские элегии*. Элегия вторая. Пер. В. Б. Микушевича).

Тот, кто не поддается такому искушению, ищет формы для свершения своей личности, однако всегда есть риск выбрать один из кратких путей, которые, как кажется, позволяют быстрее достичь цели и приносят большее удовлетворение.

Это мы сегодня наблюдаем в попытках достичь удовлетворения посредством так называемых «новых прав». Дискуссия, возникшая вокруг них, показывает, что значит спор об основах и каков его возможный исход.

Начиная с 1970-х годов и особенно в последние пятнадцать-двадцать лет количество «новых прав» непрерывно увеличивается. Они рождаются из жажды *освобождения*, вдохновившей события 1968 года. Неслучайно аборты впервые были легализованы в 1973 году в Соединенных Штатах, а в Европе в те же годы начали появляться отдельные законы о разводе и абортах. Сегодня мы слышим разговоры о праве на брак и усыновление для однополых пар, о праве на рождение ребенка, о праве на определение собственной половой идентичности, о праве на отказ от

рождения ребенка в случае его болезни, о праве на смерть, о правах, связанных с транссексуальностью, – список можно долго продолжать.

Многие воспринимают новые права как некое оскорбление, настоящее покушение на ценности, которые в течение многих веков служили основанием западной – и в особенности европейской – цивилизации. Скажем лучше: новые права привлекают многих людей и поэтому так легко распространяются, в то время как других они пугают, поскольку представляются факторами разрушения общества. Сегодня эти темы «общественной этики» – и не только в Италии, но и во всей Европе и вообще в мире – порождают самое острое социальное разделение и самое ожесточенное политическое противостояние.

Чем объяснить столь странное смешение очарованности и неприятия? Давайте попробуем разобраться, откуда вообще происходят так называемые «новые права».

Каждое из них рождается в конечном счете из глубоко *человеческих потребностей*: нужды в привязанности, желания быть отцом или матерью, страха страдания и смерти, поиска собственной идентичности и т.д. Каждое уходит корнями в почву, из которой произрастает любое человеческое существование. Отсюда и вся их привлекательность. Умножение индивидуальных прав выражает ожидание того, что юридические нормы разрешат людские драмы и гарантируют удовлетворение бесконечных потребностей, наполняющих человеческое сердце.

Общим для этих прав является то, что в их центре находится человек, требующий *абсолютного самоопределения* во всяком жизненном затруднении: он хочет сам решать, жить ему или умирать, страдать или не страдать, иметь или не иметь детей, быть мужчиной или женщиной и т. д. Речь идет о человеке, который воспринимает себя как *абсолютную, безграничную свободу*, которая не терпит никакой обусловленности. Таким образом, в описанном культурном контексте ключевыми словами в вопросе новых прав являются «самоопределение» и «недискриминация». «“Я” современного человека – как вечный подросток <...> оно не хочет слышать об ограничениях. Действительно, быть свободным – значит поставить себя в условия, позволяющие достичь все больших возможностей <...>, претендуя на то, чтобы свести желание к наслаждению, <...> за которым следует гнаться, которого следует достигать. Чаще всего это происходит в организованной с социальной точки зрения форме потребления материальных благ, идей, опыта, отношений. Недостаточность всего перечисленного мы ощущаем сразу же после достижения цели. И тем не менее, всякий раз начинаем с самого начала, сосредотачиваясь на другом объекте, другом отношении, другом опыте <...>, продолжая вкладывать нашу психическую энергию в то, что на деле может лишь разочаровать» (M. Magatti, C. Giaccardi. *Generativi di tutto il mondo, unitevi!* Milano: Feltrinelli, 2014. P. 14).

Эта культура несет убежденность в том, что достижение все новых прав составляет путь реализации личности. Таким образом она надеется сделать излишней полемику об основах, избежать споров на данную тему, которые можно обобщенно выразить в вопросе Леопарди: «Что я сам?» («*Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии*». Пер. А. Ахматовой). Но не задаваться вопросом о том, что такое субъект, что такое «я», – это как пытаться вылечить болезнь, не поставив диагноза! И поскольку дискуссия об основах кажется слишком абстрактной на фоне неотложных потребностей жизни, мы полагаемся на техники и процедуры. Имен-

но такая позиция стала отправной точкой в погоне за законодательным и юридическим признанием новых прав.

Но узкое место современной культуры заключается в близорукости ее взгляда на глубинные нужды человека: она не принимает во внимание бесконечный масштаб потребностей, составляющих суть человека, и предлагает – как в материальном плане, так и на уровне привязанности и бытия – неисчислимое множество частичных ответов. Предлагаются частичные ответы на умаленные вопросы. Однако, как напоминает Чезаре Павезе, «в удовольствиях человек ищет бесконечного, и никто никогда не отказался бы от надежды этой бесконечности достичь» (С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino: Einaudi, 1952. P. 190). Поэтому умножение, даже непомерное, «ложных бесконечностей» (как их называет Бенедикт XVI) никогда не удовлетворит нужду, природа которой – бесконечность. Не количественное накопление благ и опыта способно удовлетворить «беспокойное сердце» человека.

Следовательно, драма нашей культуры состоит не столько в том факте, что человеку все дозволено, сколько в фальшивых обещаниях и иллюзиях, которые эта вседозволенность несет. Каждый сможет проверить в собственном опыте, является ли достижение все новых прав путем реализации собственной личности или же обеспечивает противоположный эффект, поскольку в результате непонимания бесконечной природы желания и недостаточного осознания сути “я” личность на самом деле сводится к некому подвиду, к биологическим и физиологическим факторам и т. п. Здесь очевидным образом возникает противоречие, присущее определенному пониманию человека, которое так распространено в наших продвинутых обществах: «я» превозносится абсолютным образом, без ограничения в его новых правах, и в то же время подспудно утверждается, что субъект этих прав на практике есть «ничто», и его полностью сводят к предшествующим факторам, будь они материальными, естественными или случайными.

О чем говорит нам все это в контексте современной человеческой ситуации? Сказанное является суждением и о тех попытках, которые противопоставляются описанной тенденции, но не ставят под сомнение положение дел в целом. Цель таких попыток – разрешение проблем за счет противоположного законодательства, а потому те, кто их предпринимает, также избегают обсуждения основ. Конечно, справедливое законодательство всегда лучше законодательства ошибочного, но недавняя история показывает, что ни один справедливый закон сам по себе не смог предотвратить те сдвиги, которые мы наблюдаем.

Обе стороны разделяют одну установку. Для каждой справедливо слово Т. С. Элиота: «Они же все время стараются убежать / От мрака внутреннего и внешнего / Изобретая системы столь совершенные, что при них никому не надо быть добрым» (*Камень*. Пер. А. Сергеева. М.: Христианская Россия, 1997. С. 135). Это касается и тех, и других.

Однако попыток разрешить человеческие вопросы при помощи процедур никогда не будет достаточно.

Об этом говорит и Бенедикт XVI: «Поскольку человек всегда остается свободным, а его свобода – уязвимой, окончательное установление царства добра в этом мире невозможно. Тот, кто обещает лучший мир, который якобы будет длиться вечно, лжет и игнорирует человеческую свободу». И более того. «Если бы возникли структуры, которые установили бы бесповоротно определен-

ные – благие – условия мира, то тем самым отрицалась бы свобода человека и поэтому, в конечном счете, они вовсе не были бы благими структурами. <...> Иными словами, благие структуры помогают, но одних их недостаточно. Человек просто не может быть искуплен извне» (*Spe salvi*, 24, 25).

Есть ли другой путь?

4. УГЛУБЛЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ СУБЪЕКТА

Только поднимая проблему человека и составляющего его стремления к свершению, его глубинной нужды, мы сможем вновь описать, вновь обдумать и вновь пережить ценности. Действительно, «религиозное чувство предстает корнем, из которого произрастают ценности, а ценность – это, по сути, перспектива отношений между случайностью <...> и тотальностью, абсолютот. Ответственность человека, что бы его ни побуждало к ней в ходе столкновений с реальностью, неизбежно должна быть задействована, когда он пытается ответить на те вопросы, которые религиозное чувство, или, используя библейское понятие, сердце, выражает» (Л. Джуссани. *Я, власть, дела*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 160). Именно религиозное чувство, совокупность конечных потребностей, характеризующих глубинную суть всякого человеческого существа, определяет, что такое «ценность». Только осознание общего для всех людей фактора может открыть путь поиска столь же общей уверенности.

«Разрешение проблем, которые жизнь ставит перед нами каждый день, – говорил отец Джуссани много лет назад, – происходит не через прямое столкновение с проблемами, а посредством углубления природы субъекта, с ними сталкивающегося». Иными словами, «частность можно разрешить, углубляя суть вещей» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Rizzoli, 2013. P. 489).

Таков великий вызов, брошенный Европе. Огромная потребность в воспитании выявляет умаление масштаба человека, списание его со счетов, недостаток осознания того, кем на самом деле он является, какова природа его желания и структурная диспропорция между тем, чего человек ожидает и может достичь своими силами. Мы уже говорили об умалении разума и свободы; теперь к ним можно добавить и умаление желания. «Умаление желаний или цензурирование некоторых потребностей, умаление желаний и потребностей – это оружие власти, – говорил отец Джуссани. Окружающий нас «господствующий менталитет <...>, власть, производит [в нас] отчуждение от самих себя» (*L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Milano: Bur, 2010. P. 253–254, 182). Как если бы мы вырвали из себя собственное бытие и потому оказались во власти умаленных представлений о желании, а теперь напрасно надеемся разрешить проблему человеческого существования с помощью какого-то правила.

Перед лицом такой ситуации зададимся вопросом: возможно ли пробудить субъект, чтобы он мог действительно стать самим собой, до конца осознать себя, углубить свою природу и в результате освободиться от диктатуры «мелких» желаний и от всех фальшивых ответов? Без этого пробуждения человеку не избежать порабощения разнообразными тираниями, не способными дать ему столь заветного свершения.

Но как пробуждается желание? Не путем рассуждений или какой-то психологической техники, а только во встрече с кем-то, в ком динамика желания уже активна. И это хорошо видно в диалоге между молодым человеком, написавшим мне письмо, и его друзьями, боящимися своей свободы. Выслушав их рассказ, он ска-

зал им: «Ваши страхи справедливы. Вы умные и осознаете: свобода – нечто великое и трудное, а жизнь – нечто серьезное. Но разве вам не хочется вкусить свободы? И не хотели ли бы вы желать быть счастливыми?» Я признался им, что и сам не могу избавиться от подобного желания! Они на какое-то мгновение замолчали, а потом сказали: «Именно этому в тебе мы больше всего завидуем: ты не боишься». А когда мы простились, мой друг предложил: «Давай чаще встречаться, когда ты со мной, я меньше боюсь»».

Отец Джуссани, как никто другой, использовал подобный опыт, простой и одновременно радикальный и мощный в культурном смысле, чтобы ответить на вопрос о том, как пробуждается «я»: «Ответ, который я собираюсь дать, – говорил он, – касается не только нашей нынешней ситуации <...>; то, что я говорю, – это правило, вселенский закон с тех пор [и до тех пор], как человек существует: личность обретает себя в живой встрече [как мы только что слышали: «Именно этому в тебе мы больше всего завидуем: ты не боишься... Давай чаще встречаться»], иными словами, в присутствии, с которым мы сталкиваемся и которое высвобождает привлекательность, <...> пробуждает в нас мысль, что наше сердце, со всем тем, из чего оно состоит <...>, есть, существует» (*L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. P. 182). Это сердце часто погружено в сон, погребено под грудой обломков, под завалами из рассеянности, но оно вновь пробуждается и вынуждено признать, что существует – сердце есть, твое сердце существует. У тебя появляется друг, ты встречаешь на своем пути друга жизни, когда оказываешься перед человеком, который тебя открывает тебе самому. Вот кто такой друг. От остальных не остается и следа.

«В этот момент истории, – говорил Бенедикт XVI, – мы особенно нуждаемся в людях, благодаря вере которых, просвещенной и переживаемой, этот мир мог бы поверить в Бога. <...> Мы нуждаемся в людях, которые устремляют взгляд к Богу, учась у Него истинной человечности. Мы нуждаемся в людях, чей ум озарен светом Бога и чье сердце открыто Им – так, что их ум способен обращаться к умам других людей, а их сердце открывает другие сердца» (*L'Europa di Benedetto...* P. 63–64).

Именно так человек понимает, какое благо представляет собой другой. В действительности без встречи с другим – с определенным другим – «я» не могло бы возникнуть и сохранять свою живость, ведь оно распаивается перед основополагающими вопросами жизни и не довольствуется частичными ответами. Отношение с другим – образующее антропологическое измерение.

5. ДРУГОЙ – ЭТО БЛАГО

Именно на таком основании – на осознании, что другой является благом, как свидетельствует диалог между друзьями из письма, – можно созидать Европу. Трудно будет выйти из кризиса, в котором мы находимся, кризиса человеческих, социальных и политических отношений, не возвращаясь к изначальному опыту, говорящему, что другой человек не угроза, а благо для реализации нашего «я». Отсюда проистекает неотложная потребность в том, чтобы Европа стала пространством, где могут встретиться различные субъекты, каждый со своей собственной идентичностью, чтобы помочь друг другу в пути к счастливой судьбе, которой мы так жаждем.

Защищать это пространство свободы для всех и каждого – вот решающая причина для голосования на ближайших выборах в новый Европейский парламент, голосования за Европу без какого-либо диктата, без исключений, основанных на

предвзятости или расхождений во взглядах. Давайте голосовать за Европу, где каждый смог бы вносить созидательный вклад, предлагать собственное свидетельство, признаваемое благом для всех, – чтобы ни одному европейцу не приходилось отказываться от своей идентичности ради принадлежности к общему дому.

Только во встрече мы сможем вместе развить «процесс аргументации, чуткой к истине», о которой говорит Хабермас. В этом смысле еще более очевидным становится значение слов Франциска: «Истина есть отношение! И потому каждый из нас улавливает истину и выражает ее, исходя из себя: из собственной истории и культуры, из ситуации, в которой живет и т. д.» (Письмо неверующему. *La Repubblica*. 11 settembre 2013. P. 2). «Наша обязанность не заключается исключительно в делах или в программах по содействию и помощи <...> а, в первую очередь, именно во *внимании* к другому, чтобы “видеть его единым целым с самим собой”» (Ср. *Evangelii Gaudium*, 199. М.: Издательство францисканцев, 2014. С. 131). Только в такой обновленной встрече те немногие великие слова, которые дали начало Европе, смогут вернуться к жизни. Потому что, как напоминает нам Бенедикт XVI, «даже лучшие структуры функционируют лишь при условии, что в обществе живы убеждения <...> убежденность... существует не сама по себе [и ее не может породить закон], но должна каждый раз заново завоевываться всем сообществом» (Ср. *Spe salvi*, 24. С. 30). Это новое завоевание основополагающих убеждений происходит только в рамках отношения. Вновь завоевывать «основополагающие убеждения» (касающиеся личности, абсолютной ценности индивида, свободы и достоинства каждого человека) можно тем же методом, благодаря которому они в полноте явили себя – другого способа нет.

Мы, христиане, совершенно не боимся с головой погрузиться в этот диалог, не оставив за собой никаких привилегий. Для нас он является ценной возможностью проверить, способно ли христианское событие устоять перед лицом новых вызовов, ведь так мы можем свидетельствовать перед всеми о том, что происходит в жизни, когда человек сталкивается с христианским событием. Наш опыт христианской встречи показал, что жизненная лимфа ценностей, которыми обладает личность, – не в христианских законах и не в юридических, политических или конфессиональных структурах, но в событии Христа. Поэтому мы возлагаем надежду, касающуюся и нас самих, и других людей, исключительно на событие Христа, вновь происходящее в человеческой встрече. Это вовсе не значит, что событие противопоставляется закону – необходимо признать существование между ними некоего генетического порядка. Более того, именно новое свершение христианского события позволяет разумности веры превратиться в разумность реальности, внося тем самым подлинный и значительный вклад и животворя те убеждения, которые могут сделаться частью общественного порядка.

Именно на этом сделан главный акцент в *Evangelii Gaudium*: на констатации того факта, что в католическом мире битва за ценности приобрела первоочередное значение и потому стала важнее, чем сообщение новизны Христа, чем свидетельство о Его человечности. Это подмена причин следствиями демонстрирует «пелагианское» падение существенной части современного христианства и продвижение «христианистского» (по выражению Реми Брага) христианства, лишённого благодати. Альтернатива, вопреки жалобам многих людей, состоит не в «спиритуалистическом» побеге от мира. Настоящая альтернатива, как мы видели, – не лишённая исторической толщи христианская община, которая вносит

подлинный вклад, «посредством веры пробуждая в людях силы истинного освобождения» (Benedetto XVI. *Accanto a Giovanni Paolo II*. Milano: Ares, 2014. P. 18).

Тот, кто в публичном пространстве занят политикой или культурой, будучи христианином, наделен долгом противостоять современному антропологическому сдвигу. Но Церковь как таковая не может вовлекаться в эту обязанность, ведь ее задача сегодня – встречать всех людей, независимо от их идеологической или политической принадлежности, чтобы свидетельствовать о «привлекательности Иисуса». Присутствие христиан в политике и в тех сферах жизни, где решается вопрос об общем благе людей, по-прежнему необходимо. Более того, через модель социальной доктрины Церкви, оно указывает на формулы совместного существования, проверенные в христианском опыте. Сегодня это как никогда важно. Не будем также забывать, что в современных обстоятельствах такое вовлечение все больше приобретает определенное – в духе апостола Павла – *катехоническое* значение, то есть критическое, сдерживающее по мере возможностей отрицательные последствия, производимые чистыми процедурами и менталитетом, который является их источником. Однако нельзя полагать, что от его действия, пусть и похвального, механически произойдет обновление – на уровне идеала и духа – человеческого града. Оно происходит благодаря тому, что «всему предшествует», *первенствует*, от новой человечности, порожденной любовью ко Христу, любовью Христа.

Такое сознание позволяет нам видеть ограниченность позиций людей, которые надеются разрешить все посредством процедур или законов, принадлежности к той или иной фракции и поэтому полагают, что недостаточно защищать пространство свободы. Многие хотели бы, чтобы утверждение прав или отказ в них гарантировала политика. Тогда нам не нужно «было бы быть добрыми», говоря словами Элиота. Чему учит нас тот факт, что «даже по-настоящему грандиозное усилие Канта было не в состоянии создать такую уверенность, которую разделяли бы все»? Чему научила нас наша недавняя история, когда мы обнаружили, что для сохранения великих убеждений недостаточно правильных законом? Необходимо проделать долгий путь, чтобы достичь «уверенности, разделяемой всеми» (*L'Europa di Benedetto...* P. 62).

Долгий путь, который проделала Церковь, чтобы прояснить понятие «религиозной свободы», помогает понять, что защищать пространство такой свободы – не так уж и мало. После многолетней изнурительной работы на Втором Ватиканском соборе Церковь смогла заявить, что «человек обладает правом религиозной свободы», при этом она продолжила исповедовать христианство как единственную «истинную религию». Признание религиозной свободы не является своего рода компромиссом, как если бы мы сказали: поскольку у нас не получилось убедить людей, что христианство – истинная религия, будем, по крайней мере, защищать религиозную свободу. Нет, причина, подтолкнувшая Церковь к изменению многовековой практики заключалась в углублении природы истины и пути ее достижения: «Истина насаждается силой самой же истины». Таково было убеждение Церкви первых веков, великая христианская революция, основанная на различении двух градов: Бога и Цезаря. Эта убежденность слегка смягчилась после Фессалоникийского эдикта императора Феодосия (380 г.). Вернувшись к духу Отцов Церкви, Второй Ватиканский собор утверждал, что «люди должны быть свободны от принуждения <...>, дабы в религиозных вопросах никого не заставляли

действовать *против* своей совести и никому не препятствовали действовать в должных пределах *согласно* ей». И наконец: «Это право человеческой личности на религиозную свободу в общественном правопорядке должно признаваться таким образом, чтобы оно стало гражданским правом» (Ср. *Dignitatis humanae*, 1, 2). Если так следует сказать о самой великой ценности, то что уж говорить обо всех остальных!

Только если Европа станет пространством свободы, где каждый будет огражден от принуждения и сможет совершать человеческий путь и разделять его с теми, кого встречает по дороге, – только тогда пробудится интерес к диалогу, к встрече, в которую любой внесет вклад – собственный опыт, чтобы достичь «уверенности, разделяемой всеми», необходимой для совместного существования.

Мы хотим, чтобы Европа стала пространством свободы для встречи искателей истины. И это дело стоит нашего вовлечения.

